

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/23062061/39/1

ОБЛАСТНОЙ ТЕКСТ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Елена Георгиевна Новикова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, elennov@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках теоретической проблематики локального текста на основании статьи «Областное новое слово» Ф.М. Достоевского (майский номер «Дневника писателя» 1876 г.) введена и использована категория «областного текста». Реконструирована и описана динамика восприятия писателем места и значения «областного слова» от 1850-х гг. до 1881 г.

Ключевые слова: локальный текст, областной текст, полифония, М.М. Бахтин, Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», «Областное новое слово»

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

Для цитирования: Новикова Е.Г. Областной текст в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: постановка проблемы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 5–21. doi: 10.17223/23062061/39/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

OBLASTNOY TEXT IN A WRITER'S DIARY BY FYODOR DOSTOEVSKY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Elena G. Novikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
elennov@mail.ru

Abstract. The article, within the theoretical framework of the local text, introduces and employs the category of the "oblastnoy" (regional) text. While this term does not currently hold the status of a universally accepted scientific term, its introduction allows for raising a specific question about the place and significance of the "oblastnoe" (regional) word in Fyodor Dostoevsky's works. The basis for this inquiry is his article "Oblastnoe novoe slovo" ("A New Regional Word") in the May 1876 issue of *A Writer's Diary*. The entire *A Writer's Diary* by Dostoevsky is truly polyphonic; however, Dostoevsky's position regarding the "oblastnoe" word in this specific article comes into a certain contradiction with the general polyphonic orientation of *A Writer's Diary*, as he expressed doubts there about whether the "regions and peripheries" possess the right to their own independent "new" word. Certain aspects of his publishing policy in the 1860s–1870s also attest to this. Thus, the "oblastnoe novoe slovo" indicated in the article's title appears in Dostoevsky as a problem: does it exist in reality, or does it not yet exist? An important aspect of analyzing this issue is *The Siberian Notebook*, which is dated approximately to the 1850s–1860s. This is primarily a record of the voices of the prison and Siberia captured by Dostoevsky, and more broadly—the voices of various regions and provinces of Russia. *The Siberian Notebook* is intuitively organized by the writer as a polyphony of the entire Russian people. Moreover, in the first chapter of the December 1877 *Writer's Diary*, in connection with the court case of Ekaterina Kornilova, the writer himself, as a former convict and Siberian resident, considered himself entitled to include his own voice in this polyphony of regional texts. Therefore, by the early 1880s, his position regarding the regional text fundamentally changed, and in the final *Writer's Diary* for January 1881, the writer advocates for the concept of a polyphonic regional text of the Russian people, based on a "thirst for truth." Thus, in Dostoevsky's view by the early 1880s, the "oblastnoy" text becomes the foundation and support for the further fruitful development of Russia.

Keywords: local text, oblastnoy text, polyphony, M.M. Bakhtin, F.M. Dostoevsky, "A Writer's Diary", "Oblastnoye novoye slovo"

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

For citation: Novikova, E.G. (2025) Oblastnoy text in *A Writer's Diary* by Fyodor Dostoevsky: Statement of the problem. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 39. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/1

«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского поистине полифоничен. В сущности, именно в нем Достоевский окончательно и полностью реализовал то основное качество своего творчества, которое у М.М. Бахтина получило название «большой диалог» [1. С. 49]. Его базовая характеристика, по М.М. Бахтину: «Этот большой диалог у Достоевского художественно организован как не закрытое целое самой стоящей на пороге жизни» [1. С. 49], – и она самым непосредственным образом может быть отнесена к «Дневнику писателя», в котором «стоящая на пороге жизнь» порождает непрестанный диалог его автора «писателя» с другими мыслителями, с разными изданиями, с любым читателем. Как пишет М.М. Бахтин, «пристрастие Достоевского к журналистике и его любовь к газете, его глубокое и тонкое понимание газетного листа как живого отражения противоречий социальной современности в разрезе одного дня, где рядом и друг против друга экстенсивно развертывается многообразнейший и противоречивейший материал, объясняются именно основною особенностью его художественного видения» [1. С. 35]. Диалогическая установка была заявлена Достоевским как программная уже во «Вступлении» к «Дневнику писателя» (1873): «У нас говорить с другими – наука» [2. Т. 21. С. 6]; «надо уметь разговаривать и знать с кем и как говорить» [2. Т. 21. С. 7]. В finale «Вступления» он обращается к сборнику статей А.И. Герцена «С того берега» (1855) как к своеобразному методологическому образцу для своего нового издания:

Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента.

– И мне особенно нравится, – заметил я между прочим, – что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене.

– Да ведь в том-то вся и штука, – засмеялся Герцен [2. Т. 21. С. 8].

В соответствии с классическим определением М.М. Бахтина, полифония Достоевского – это «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основною особенностью романов Достоевского» (здесь и далее курсив авторов. – Е.Н.) [1. С. 6] – и «Дневника писателя», добавим мы. Ярким проявлением такой авторской установки писателя стала в этом же первом «Дневнике писателя» 1873 г. глава VIII под названием «Полписьма “одного лица”». Мы не будем останавливаться здесь на истории создания этого текста, в том числе – на степени его подлинности и пр.¹; нам представляется важным указать на саму издаель-

¹ См.: Примечания [2. Т. 21. С. 414–420].

скую политику Достоевского: с содержанием письма он не согласен, но «напечатать» его считает своим «долгом»: «Нечего делать, я взял и должен теперь напечатать» [2. Т. 21. С. 62].

Активная публикация читательских писем (или их отдельных фрагментов) стала одной из ведущих особенностей «Дневника писателя» в целом. Так, в первой главе майского «Дневника писателя» 1876 г. параграф I называется «Из частного письма», и здесь приведены его отдельные фрагменты. Как пишет об этом сам Достоевский, «письмо особенно характерно <...> позволю себе привести из него несколько строк, с сожалением, конечно, полнейшего анонима» [2. Т. 23. С. 5]. Письмо было посвящено «делу Каировой» [2. Т. 23. С. 5] – судебному процессу над А.В. Каировой, которая совершила попытку убийства из ревности и судом присяжных заседателей была оправдана², и Достоевский подчеркивает право своего корреспондента высказать свое «искреннее» [2. Т. 23. С. 5] мнение об этом.

Параграф II этой же главы представляет собой небольшую статью под названием «Областное новое слово», которая и является предметом нашего исследования.

В ее начале Достоевский вновь обращается к указанному выше «частному» письму и в том числе замечает, что оно «из провинции» [2. Т. 23. С. 6]. Однако после этого вполне второстепенного замечания позиция Достоевского неожиданно меняется, и он переходит к общему вопросу о том, может ли «провинция» вообще «сказать новое слово, не столичное, а областное» [2. Т. 23. С. 6]: «Это письмо из провинции есть письмо частное, но замечу здесь к слову, что наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансицироваться от столиц совсем» [2. Т. 23. С. 6]. Иначе говоря, подчеркивая право отдельного человека на любое высказывание в его «Дневнике», одновременно он подвергает определенному сомнению такие же права регионов, «провинций». И далее: «Сказано новое слово будет, это несомненно, но всё же я не думаю, чтобы сказано было что-нибудь слишком уж новое и особенное нашими областями и окраинами, по крайней мере теперь, сейчас, слишком уж что-нибудь неслыханное и трудно выносимое» [2. Т. 23. С. 7].

Так обозначенное в названии статьи «областное новое слово» предстает у Достоевского как проблема, существует ли оно в действительности, это «новое слово» «наших областей и окраин», или его пока еще нет. Хотя здесь же он замечает, что прецеденты такого «областного нового слова» ему уже известны: «У меня вот уже два месяца лежит на

² См.: Примечания [2. Т. 23. С. 355].

столе даже целый литературный сборник «Первый шаг», изданный в Казани³ <...> он выступает решительно с намерением сказать новое слово, не столичное, а областное и ”настоятельно необходимое” [2. Т. 23. С. 6].

Представляется, что эта позиция Достоевского по отношению к «областному слову» вступает в определенное противоречие с общей полифонической установкой «Дневника писателя» на «большой диалог», и это требует специального исследования. При этом следует подчеркнуть, что статья «Областное новое слово» предельно редко становилась предметом изучения. Цель данной работы – описать и осмыслить «Областное новое слово» в контексте творчества Достоевского, что в науке о писателе предпринимается впервые.

Формулировка Достоевского «областное слово» очевидно заставляет обратиться к современным теоретическим представлениям о типологии локальных текстов, что определяет актуальность исследования.

Категория «петербургский текст», глубоко разработанная В.Н. Топоровым [4], обусловила формирование и развитие в российском литературоведении специального направления, посвященного изучению локального текста. В.В. Абашев, отмечая, что «изучение локальных текстов русской культуры превращается в быстро развивающееся направление в филологии», особо подчеркивает в этих рамках «изучение семантики и структуры отдельных исторических местностей России» [5. С. 14]; в настоящее время для описания этих явлений активно используется также термин «региональный текст», восходящий как к трудам В.Н. Топорова, так и к исследованиям тартуско-московской семиотической школы (см., например: [6]). При этом любые «исторические местности России», как «столичные» («петербургский текст», «московский текст» [7]), так и «провинциальные» («пермский текст», «сибирский текст» и др.), могут быть названы «локальными» и «региональными». В связи с этим для обозначения нестоличных топосов и явлений стал применяться термин «провинциальный текст».

В указанных рамках типологического подхода к различным вариантам локального текста и по аналогии с ними мы в данной работе используем термин «областной текст», не обладающий сейчас статусом общеупотребительного научного применения. Введение его в научный обо-

³ См.: [3].

рот представляется возможным по следующим историко-литературным и теоретическим основаниям.

Понятие «областного» текста порождено и обусловлено собственным определением Достоевского «областное слово» и используется здесь специально для исследования его позиции по поводу «провинциальных» текстов. Поставив в начале «Областного нового слова» вопрос о «провинции» [2. Т. 23. С. 6], Достоевский далее активно использует понятия «область» и «окраина»: «областное» [2. Т. 23. С. 6], «наши области и окраины» [2. Т. 23. С. 6], «области свои и окраины» [2. Т. 23. С. 6], «каждый угол России» [2. Т. 23. С. 7], «нашими областями и окраинами» [2. Т. 23. С. 7]. Безусловно, категория «окраины» также важна в данном контексте (см.: [8]), но использование нами термина «областной текст» обусловлено в конечном счете тем, что именно понятие «областное» Достоевский вынес в название своей статьи, то есть именно его наделил статусом основной смысловой категории своего авторского высказывания.

Теоретическим основанием применения термина «областной текст» может служить явление «областнического романа», описанное М.М. Бахтиным. Глава IX его работы «Формы времени и хронотопа в романе» посвящена «Идилическому хронотопу в романе», поскольку «значение идилии для развития романа <...> было огромным» [9. С. 377]. Разъяснения это положение, М.М. Бахтин обозначает «пять основных направлений», в которых проявилось «влияние идилии на развитие романа нового времени», и первым среди них он называет «областнический роман» [9. С. 377], к «представителям» которого относит Иеремию Готхельфа (Альберт Бициус, 1787–1854), Карла Лебрехта Иммермана (1796–1840), Готфрида Келлера (1818–1890) [9. С. 378]. «Самый основной принцип областничества в литературе, – по мысли ученого, – неразрывная вековая связь процесса жизни поколений с ограниченной локальностью» [9. С. 377], и на этой основе собственно «в областническом романе <...> выдвигается идеологическая сторона – язык, верования, мораль, нравы, – причем и она показана в неотрывной связи с ограниченной локальностью» [9. С. 377]. Итак, с точки зрения М.М. Бахтина, «областничество», «областническое» произведение (в данном случае – роман), определяется прежде всего «ограниченной локальностью», то есть своим локусом, топосом, что не только соотносится с общей проблематикой локального текста, но и задает специфику областного текста, в котором локальность приобретает «идеологический» характер и воплощается в описание своего «языка, верований, морали, нравов». Поэтому на основании этих представлений М.М. Бахтина об областническом мироизмерении «областное слово» вполне закономерно может

стремиться к тому, чтобы сказать свое «новое слово» и тем самым внести свой вклад в «общий стройный хор», «русский хор» [2. Т. 23. С. 6], как пишет об этом Достоевский.

В сущности, именно проблематика «общего стройного» «русского хора» и обусловила глубоко настороженное отношение писателя к «областному новому слову»: «Судя хоть только по письмам, которые я получаю <...> все желают высказать мнение и заявить себя, и вот только одного не могу решить, чего больше желают: обособиться ли в своем мнении каждый или спеться в один общий стройный хор <...> наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансирироваться от столиц совсем» [2. Т. 23. С. 6].

Тема «столиц», Петербурга и Москвы, занимает в этой статье очень важное место: «с самого Петра <...> Россию вели Петербург и Москва» [2. Т. 23. С. 6]. Проблематика областного текста у Достоевского вписана здесь в контекст петербургского и вообще столичного текста. Очевидно, что само понятие «петербургского текста» теснейшим образом связано с его творчеством, и как подчеркивает С.Г. Бочаров, «в петербургской картине В.Н. Топорова многое имен, но Достоевский – центральное имя» [4. С. 7].

Казалось бы, Достоевский начинает спорить сам собой, когда утверждает далее: «И не вся ли Россия <...> притекала и толпилась в Петербурге и Москве во все полтораста лет сряду и, в сущности, сама себя и вела, беспрерывно обновляясь свежим притоком новых сил из областей своих и окраин» [2. Т. 23. С. 6]. Однако эти «новые силы из областей и окраин» получали возможность «вести» Россию, только оказавшись в Петербурге и Москве, куда «притекали» и где «толпились», потому что, по мысли писателя, «задачи были совсем одни и те же, как и у всех русских в Москве или Петербурге, в Риге или на Кавказе, или даже где бы то ни было» [2. Т. 23. С. 6]. Представление о том, что «задачи были совсем одни и те же», фактически, отменяет любое локальное слово, любой областной текст, поскольку общий пафос этой статьи – «единая душа» России: «душа была единая» [2. Т. 23. С. 6].

Этот пафос был обусловлен острым геополитическим контекстом так называемого «восточного вопроса», в котором создавался «Дневник писателя» 1876 г.: участием российских добровольцев во главе с генералом М.Г. Черняевым в сербо-турецкой войне 1876–1877 гг. – в борьбе балканских славян за освобождение от турецкого ига, которая в 1877 г. переросла в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Достоевский не просто

поддерживал эти военные действия российских добровольцев, а позже и Российской империи, с его точки зрения, «восточный вопрос» стал ключевым политическим и геополитическим событием эпохи. Уже вся вторая глава октябрьской книги того же «Дневника писателя» за 1876 г. посвящена движению российских добровольцев: «I. Новый фазис Восточного вопроса. II. Черняев. III. Лучшие люди. IV. О том же» [2. Т. 23. С. 148–162], а далее восточный вопрос станет вообще основной темой «Дневника» 1877–1878 гг.

Поэтому в статье «Областное новое слово», обозначив проблематику областного, а также столичного, петербургского и московского текстов, Достоевский в конечном счете от вопроса любого локального текста переходит к утверждению единства России: «Ведь уж чего бы кажется противоположнее, как Петербург с Москвой <...>. А между тем эти *два центра* русской жизни, в сущности, ведь составили один центр <...>. Душа была единственная и не только в этих двух городах, но в двух городах и во всей России вместе, *так, что везде по всей России в каждом месте была вся Россия*» [2. Т. 23. С. 6–7]. Само обращение к проблематике областного текста обусловлено было в этот момент у Достоевского ощущением опасности «духовного разъединения» страны. Это проявилось уже в самом начале статьи: «наша провинция решительно хочет зажить своеобразно и чуть ли не эмансирироваться от столиц совсем»; этим же писатель завершает свой призыв к единству: «О, мы понимаем, что каждый угол России может и должен иметь свои местные особенности и полное право их развивать; но таковы ли эти особенности, чтобы грозить духовным разъединением или даже просто каким-нибудь недоумением?» [2. Т. 23. С. 7].

В finale статьи он снова обращается к казанскому сборнику: «никакой Казани и Астрахани обижаться почти совсем не за что. А ихним сборникам мы рады, и если даже выйдет и «Второй шаг», то тем лучше, тем лучше» [2. Т. 23. С. 7]. Несмотря на то, что «Первый шаг», как пишет он сам, «вот уже два месяца» лежал на его столе, никакого иного обращения к нему, кроме беглого упоминания в «Областном новом слове», Достоевский более не предпримет, несмотря на то, что сборник активно обсуждался в текущей российской прессе⁴. При этом следует заметить, что «Первый шаг» для своего времени был незаурядным явлением, и его вполне можно считать прообразом разнообразных современ-

⁴ См.: Примечания [2. Т. 23. С. 356–358].

ных исследований локальных текстов, посвященных Перми [5], Архангельску [10], Старой Руссе [11], Астрахани [12]⁵ и др.

О подобной же издательской политике Достоевского по отношению к областному тексту свидетельствует и рассказ Г.Н. Потанина, относящийся к гораздо более раннему периоду – к началу 1860-х гг., когда братья М.М. и Ф.М. Достоевские издавали свой первый журнал «Время». На рубеже 1850–1860-х гг. в Петербурге оформилось такое самобытное «областное» явление, как «сибирское землячество», переросшее затем в социокультурное движение сибирского областничества, лидерами которого стали тот же Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.С. Щукин и др. (и использование термина «областной текст» по отношению к областничеству представляется более чем уместным). Молодой группе сибирских областников необходимы были публикации, в которых они могли бы представить свои представления о Сибири как о самобытном крае, развернуть свой областной текст. Один из таких текстов был задуман Н.М. Ядринцевым как рецензия⁶ на книгу И.И. Завалишина «Описание Западной Сибири» [13]. Как вспоминает Г.Н. Потанин, «мы были в восторге от этого бойкого пера и благословили его нести рукопись в редакцию. Он снес ее в журнал «Время»; но статью не приняли, сказали, что он на муху пошел с обухом, что книжка имеет ничтожное значение и жаль на нее тратить в журнале целый десяток страниц» [14. С. 118]. Фактически Н.М. Ядринцев на страницах «Времени» пытался организовать плодотворную полемику по сибирской проблематике, но редакция журнала отказалась публиковать этот областной текст, ссылаясь даже не на качество самой рецензии, но на то, что «книжка» о Сибири «имеет ничтожное значение», несмотря на то, что И.И. Завалишиным был создан серьезный труд.

Тем не менее именно в Сибири у Достоевского началось формирование такого понимания областного текста, которое можно было бы назвать полифоническим и вписать его в идейное пространство большого диалога.

Концепция диалога уже давно и плодотворно используется для описания взаимодействия различных локальных текстов (см., например: [15]). В свою очередь, обращаясь к базовым баухинским характеристи-

⁵ Интересно, что среди современных описаний областного текста есть Старая Русса – «город Достоевского» и Астрахань, упомянутая им в статье как одна из «областей и окраин».

⁶ Рецензия Н.М. Ядринцева не сохранилась.

кам полифонии Достоевского, следует обратить особое внимание на категорию «голоса» (вполне закономерную, конечно, для полифонии – «многоголосья»): «множественность самостоятельных и неслияных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов»; «герой Достоевского <...> полновесное слово, чистый голос; мы его не видим, мы его слышим» [1. С. 62]. В своей статье Достоевский, описывая «областное новое слово», называет его также и «голосом»: «всё это лишь новые голоса в старом русском хоре» [2. Т. 23. С. 6], затем закономерно переходя от категории «голоса» к понятию «хора», принципиально важного в концепции данной статьи, посвященной проблематике единства России (как мы постарались показать это выше): «спеться в один общий стройный хор».

Представляется, что именно в контексте непростого десятилетнего сибирского опыта у Достоевского постепенно стало складываться (безусловно, сначала совершенно интуитивное) представление об областном тексте не как о некоей новой идеологии (что и вызвало его неприятие в «Областном новом слове»), но как о самобытном, оригинальном «голосе», звучащем «слово».

Предельно ярко это проявилось уже в его <Сибирской тетради>. Название не принадлежит Достоевскому, в оригинал – это «самодельная тетрадь» «без заглавия и даты» [2. Т. 4. С. 310], датируется приблизительно 1853–1860 гг. [2. Т. 4. С. 310]. Это записи, которые Достоевский начал делать в омском остроге и продолжил во время своего дальнейшего пребывания в Сибири; как отмечено в примечаниях, «это первая дошедшая до нас записная книжка писателя» [2. Т. 4. С. 310]. Ее отличие от всех последующих записных книжек писателя состоит в том, что это преимущественно не его собственные тексты, но зафиксированные (и пронумерованные) им живые и непосредственные высказывания каторжников и жителей Сибири, это «многоголосый и разноязычный говор тюремной толпы», это «поговорки, пословицы, отрывки тюремных легенд, анекдотов и песен, обрывки разговоров, отдельные меткие выражения, как будто только что сорвавшиеся с языка» [2. Т. 4. С. 311]. Это голоса тюрьмы, Сибири, в целом же – это голоса разных областей и регионов России. Как проницательно и точно назвал свою книгу, посвященную Сибирской тетради⁷, В.П. Владимирцев, это «Достоевский народный» [16], это Достоевский, записавший многоголосье – полифонию – российского народа, включая татар, евреев, украинцев и др.

⁷ Такое оформление данного названия, без кавычек, но и без ломаных скобок используется в Полн. собр. соч. См.: [2. Т. 4. С. 310–311].

Несмотря на название Сибирская тетрадь, собственно сибирских областных текстов в ней достаточно немного: «40) Эх ты, подаянная голова. Голову тебе в Тюмени подали» [2. Т. 4. С. 236]; «75) «Ах ты, язовой лоб! – Да ты не сибиряк ли? – Да есть мало-мало! А что? – Да ничего» [2. Т. 4. С. 238]; «85) Сибиряк соленые уши» [2. Т. 4. С. 238] и некоторые др.

В целом же это большой диалог разных областных голосов, разных областных текстов: «89) Ишь, Пермь желторотая! Ишь, пермяк кособрюхий!» [2. Т. 4. С. 238]; «92) Эх, жид, хватишь кнута, в Сибирь пойдешь! – А что там пан бог есть? – Да есть-то есть! – Ну нехай! был бы пан бог да гроши!» [2. Т. 4. С. 238]; «115) «Нашим курским? – Да мы не курские. – Аль тамбовским? – Да и не тамбовские. – Да постой, брат! – Нет, брат, за постой у нас деньги платят. Отваливай» [2. Т. 4. С. 239]; «136) Хорошо! Я-то, положим, туляк, а вы-то в Полтавской губернии галушкой подавились» [2. Т. 4. С. 239]; «150) Здорово, ребята! – Курские, ваше благородие. – Что! которой губернии? – Женатые, ваше благородие» [2. Т. 4. С. 239] и т. д.

Поэтому в определенной ситуации Достоевский посчитал себя вправе самому заговорить от имени Сибири, от имени сибиряков.

Напомним, поводом для «Областного нового слова» в первой главе майского «Дневника писателя» 1876 г. стало «дело Каировой», и вся первая глава, кроме параграфа II с этой статьей, была посвящена ее делу и судебному процессу. Обсуждая решение суда присяжных о помиловании А.В. Каировой, Достоевский впервые упоминает еще одну недавнюю попытку убийства, также совершенную молодой женщиной: «Вон мачеха недавно выбросила из четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу» [2. Т. 23. С. 19].

Это самая первая реплика писателя по «делу Корниловой», и к этому делу, к личности Е.П. Корниловой и к судам над ней Достоевский будет возвращаться неоднократно: в октябрьском номере «Дневника писателя» 1876 г., в апрельском 1877 г., наконец, ей посвящена вся первая глава декабряского «Дневника писателя» 1877 г. Такое внимание писателя было обусловлено тем, что, познакомившись со всеми подробностями происшествия, он полностью встал на сторону Е.П. Корниловой и принял большое личное участие в ее судьбе: активно защищал ее на страницах «Дневника», несколько раз посещал в тюрьме, видел ее новорожденную дочь, познакомился с ее мужем С.К. Корниловым⁸.

⁸ См.: Примечания [2. Т. 23. С. 360–361, 405–406].

Первая глава декабрьского номера «Дневника писателя» 1877 г. сразу же начинается этим «делом»: «Заключая двухлетнее издание «Дневника» теперешним последним, декабрьским выпуском, я нахожу необходимым сказать еще раз одно слово об одном деле, о котором я уже слишком довольно говорил <...>. Это всё опять о той мачехе, Корниловой <...>. Как известно, преступница была судима, осуждена, потом приговор был кассирован, и, наконец, окончательно была оправдана на вторичном суде 22 апреля сего года <...>. В этом деле мне случилось принять некоторое участие» [2. Т. 26. С. 92]. И здесь Достоевский обращается к рассказу о своем последнем посещении Е.Н. Корниловой в тюрьме перед повторным судом: «я, ровно накануне дня суда, заехал к ней в острог. Твердых надежд на оправдание не было у нас ни у кого, ни у меня, ни у адвоката. У ней тоже <...>. У меня же в голове насчет ее ходило несколько мрачных мыслей, и я именно заехал с целью сказать ей одно словцо» [2. Т. 26. С. 105], «словцо» – о том, «как ей следует жить в Сибири, если сошлют ее» [2. Т. 26. С. 105].

Это «словцо» превратилось в уникальное в своем роде высказывание Достоевского из позиции сибиряка, пусть – бывшего: «я же знаю Сибирь» [2. Т. 26. С. 105], из позиции человека, глубоко знающего и понимающего этот край, поскольку «чуть ли не вся-то Сибирь, в три столетия, произошла от ссыльных, населилась ими» [2. Т. 26. С. 105] – и он сам был среди них. Достоевский не сомневался в своем праве говорить от имени края «каторги и ссылки» и в разговоре с Е.Н. Корниловой реализовал это свое право, эту свою возможность прямого «сибирского» высказывания.

«Мрачные мысли» посещали Достоевского при раздумьях о возможном будущем Екатерины Корниловой в Сибири: «седва совершенолетняя женщина, с ребенком на руках, пустится в Сибирь <...> на чужой стороне, одной, беззащитной и еще недурной собою, такой молодой, – где ей устоять от соблазна, думалось мне? Подлинно на разврат толкает ее судьба <...>. Упасть легко, но зато сибиряки, простой народ и мещане – это самые безжалостные к падшей женщине люди» [2. Т. 26. С. 105]. И далее следует специальное описание «областного слова» Сибири о падшой как «слова укора»: «вечное ей презрение, слово укора, попреки, насмешки, и это до самой старости, до могилы. Прозвище особое дадут» [2. Т. 26. С. 105]. Но Достоевский свое «словцо» Екатерине Корниловой говорил во имя того, чтобы нарисовать и прямо противоположный сценарий ее пребывания в Сибири: «Но другое дело, если сосланная мать соблюдет себя в Сибири честно и строго: молодая женщина, соблюдающая себя честно, пользуется огромным уважением» [2.

Т. 26. С. 105]. И снова следует описание возможного «областного» мнения о ней: «Всякий-то ее защищает, всякий-то ей пожелает угодить, всякий-то перед ней шапку снимет» [2. Т. 26. С. 105].

Так его высказывания о судьбах женщин, сосланных в Сибирь, влились в ту общую полифонию областного текста Достоевского, которая получила свое первоначальное оформление в Сибирской тетради.

Причем если в «Областном новом слове» писатель подвергал сомнению то, что у «областей и окраин» есть свое «новое» слово, есть своя оригинальная позиция и идеология, то существенная часть его последнего «Дневника писателя» за январь 1881 г. посвящена именно этому: «выгляните из Петербурга, и вам предстанет море-океан земли Русской, море необъятное и глубочайшее» [1. Т. 27. С. 15].

Обращение к Петербургу принципиально; уже в черновых записях <Записной тетради 1880–1881 гг.> к «Дневнику писателя» утверждается следующее: «Уничтожение аристократизма, петербургского взгляда на народ и на Россию и смирение перед нею» [1. Т. 27. С. 80]. Эти идеи были развернуты Достоевским в первой главе январского «Дневника» 1881 г.: «Ну что, если б, например, Петербург согласился вдруг, каким-нибудь чудом, сбить своего высокомерия во взгляде своем на Россию <...>. Ибо что же Петербург, — он ведь дошел до того, что решительно считает себя всей Россией, и это от поколения к поколению идет, нарастая <...>. И вот у нас воображают иные <...>, что в Петербурге слилась вся Россия. Но Петербург совсем не Россия» [1. Т. 27. С. 14–15]. Но представление о том, что «в Петербурге слилась вся Россия», — это в том числе его собственное представление «Областного нового слова»: там, говоря о Петербурге и Москве, он использует именно эту формулировку «вся Россия».

Однако теперь ценностное соотношение столичного и областного текстов принципиально изменилось, и в центре внимания Достоевского — сфера самостоятельного «сознания» «русского народа»: «и уже сколько сознания накопилось в народе русском <...>. Да, сознание уже растет, растет, и уже столь многое народом понято и осмыслено, что петербургские люди и не поверили бы. Это <...> сильно обнаруживается по местам, по углам, по домам и по избам. Где же обнаружится еще в целом — ведь это океан, океан!» [1. Т. 27. С. 15]. Это настоящий апофеоз областного текста Достоевского — апофеоз самостоятельных «областных новых слов», которые формируются и уже сформировались в России «по местам, по углам, по домам и по избам» — и их «океан». Та полифония областного голоса, которую писатель сначала интуитивно начал фиксировать в Сибирской тетради с 1850-х гг., теперь, в начале 1880-

х гг., оформилась в его осознанную концепцию самостоятельного слова русского народа, в основе которого – «жажда правды»: «Можно бы вот как сказать: «Жажды правды, но неутоленная». Ищет народ правды и выхода к ней беспрерывно и всё не находит <...>. Затребовалось новое слово» [1. Т. 27. С. 16].

И далее в качестве ближайшей социальной задачи Достоевский предлагає реализовать эти особые возможности самостоятельного народного слова: «Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. И не нужно никаких великих подъемов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам» [1. Т. 27. С. 21]. Областное слово «мест, уездов, хижин» – как слово народа «о нуждах своих и полная о них правда» [1. Т. 27. С. 24]. Так областной текст в начале 1880-х гг. становится у Достоевского основой и опорой дальнейшего плодотворного развития России.

Таким образом, постановка проблемы «областного текста» Достоевского, в основе которой – его собственные представления об «областном слове», а также принадлежащая М.М. Бахтину концепция «областнического» произведения (романа), позволила выявить особое внимание писателя к областному тексту и динамику авторского к нему отношения.

Его первые впечатления о нем как о «голосе» российской провинции сформировались в Сибири в 1850-х гг. и были зафиксированы в Сибирской тетради 1850–1860-х гг., которая свидетельствует о том, что уже первые исходные описания областных текстов носили у Достоевского полифонический характер.

К специальному осмыслению областного текста Достоевский обратился в «Дневнике писателя» 1876–1881 гг. В статье «Областное новое слово» майского «Дневника» 1876 г., обозначив это явление российской культуры, писатель выразил сомнения в том, что «области и окраины» обладают своим самостоятельным «новым» словом. Об этом свидетельствуют и отдельные аспекты его издательской политики 1860–1870-х гг.

В начале 1880-х гг. его позиция по отношению к областному тексту принципиально изменилась, и в последнем «Дневнике писателя» за январь 1881 г. писатель отстаивает принципы реализованной в российских областных текстах «множественности самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» «подлинной полифонии полноценных голосов» русского народа.

Список источников

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
3. Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. [Казань :] Тип. К.А. Тилли, 1876. 593 с.
4. Топоров В.Н. Петербургский текст. М. : Наука. 2009. 820 с. (Памятники отечественной науки. ХХ век).
5. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе ХХ века. Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
6. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. 139 с.
7. Москва и «московский текст» русской культуры : сб. ст. / отв. ред. Г.С. Кнабе. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1998. 225 с.
8. Михновец М.В. «Окраины» России в восприятии Ф.М. Достоевского: постановка проблемы // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 218–227.
9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
10. Давыдов А.Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л., 1988. С. 86–99.
11. Литягин А.А., Тарабукина А.В. К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф-текст реальность. М. ; СПб., 2000. С. 324–334.
12. Боровская А.А. История родного города как макросюжет цикла Б. Шаховского «Стихи об Астрахани» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 5 (92). С. 72–77.
13. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири : в 3 т. М. : Типография В. Грачева и комп., 1862–1865.
14. Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд., 1983. 336 с.
15. Айзикова И.А. Тема заселения Урала в уральском, сибирском и «столичном» текстах о переселенцах (1850–1890-е гг.): проблема диалога // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 23–44.
16. Владимирцев В.П. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнографическая культура : статьи, очерки, этюды, комплекс историко-литературных исследований. Иркутск, 2007. 458 с.

References

1. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

2. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad: Nauka.
3. Anon. (1876) *Pervyy shag. Provintsial'nyy literaturnyy sbornik* [The First Step. A Provincial Literary Collection]. [Kazan:] Tip. K.A. Tilli.
4. Toporov, V.N. (2009) *Peterburgskiy tekst* [The Petersburg Text]. Moscow: Nauka.
5. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as Text. Perm in 20th-Century Russian Culture and Literature]. Perm: Perm University.
6. Gasparov, M.L. et al. (eds) (1984) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam XVIII* [Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Sign Systems XVIII]. Tartu: Tartu State University.
7. Knabe, G.S. (ed.) (1998) *Moskva i "moskovskiy tekst" russkoy kul'tury* [Moscow and the "Moscow Text" of Russian Culture]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
8. Mikhnovets, M.V. (2021) "Okrainy" Rossii v vospriyatiu F.M. Dostoevskogo: postanovka problemy ["Outskirts" of Russia in the perception of F.M. Dostoevsky: Problem Statement]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (ed.) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [The Geopolitical Map and Worldview of F.M. Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 218–227.
9. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies from Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Davydov, A.N. (1988) Arkhangel'sk: semantika gorodskoy sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta [Arkhangelsk: The Semantics of the Urban Environment in Light of the Ethnography of an International Seaport]. In: Chistov, K.V. (ed.) *Kul'tura russkogo severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad: [s.n.]. pp. 86–99.
11. Lityagin, A.A. & Tarabukina, A.V. (2000) K voprosu o tsentre Rossii (topograficheskiye predstavleniya zhiteley Staroy Russy) [On the center of Russia (Topographical perceptions of the residents of Staraya Russa)]. In: Sazhin, V.N. (ed.) *Russkaya provintsiya: mif-tekt-real'nost'* [The Russian Province: Myth-Text-Reality]. Moscow, St. Petersburg: Tema. pp. 324–334.
12. Borovskaya, A.A. (2023) Istoryia rodnogo goroda kak makrosyuzhet tsikla B. Shakhovskogo "Stikhi ob Astrakhani" [The History of one's hometown as a macro-plot of B. Shakhovsky's cycle "Poems about Astrakhan"]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki.* 25(5)(92). pp. 72–77.
13. Zavalishen, I.I. (1862–1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri: v 3 t.* [Description of Western Siberia: in 3 vols]. Moscow: V. Grachev and K.
14. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo.
15. Ayzikova, I.A. (2014) The Ural settlement topic in the Ural, Siberian and "capital" texts about settlers (1850s-1890s.): Problem of the dialogue. *Tekst. Kniga. Knigoizdatanie – Text. Book. Publishing.* 3(7). pp. 23–44. (In Russian).

16. Vladimirtsev, V.P. (2007) *Dostoevskiy narodnyy. F.M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: stat'i, ocherki, etyudy, kompleks istoriko-literaturnykh issledovanij* [Dostoevsky, Man of the People. F.M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Articles, Essays, Sketches, Historical-Literary Studies]. Irkutsk: [s.n.].

Сведения об авторе:

Новикова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena G. Novikova, Dr. Sci. (Philology), full professor, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.08.2025;
одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 05.09.2025*

*The article was submitted 31.08.2025;
approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 05.09.2025*